

УДК 343.91; 343.971

DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).252-260

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЖЕНСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ)

А.В. Лысова¹, Л.И. Романова²

¹ Школа криминологии Университета им. Саймона Фрейзера, г. Ванкувер, Канада

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

4 июня 2015 г.

Дата принятия в печать

23 марта 2016 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2016 г.

Ключевые слова

Женская преступность; факторы риска; профилактика женской преступности

Аннотация. В некоторых исследованиях отмечается наметившаяся в последнее десятилетие тенденция к росту числа преступлений, совершаемых женщинами в Российской Федерации, а также к ухудшению качественной составляющей женской преступности, включая увеличение количества тяжких деяний, рецидивных преступлений, снижение возраста правонарушительниц и рост немотивированной жестокости. Для лучшего понимания этиологии женской преступности необходимо выявить социально-психологические характеристики личности женщин и особенности их жизни до совершения ими преступлений (антисоциальные и пограничные черты личности женщин, способность к самоконтролю, опыт насилия в детстве, в том числе опыт сексуальных отношений до 18 лет, раннее начало совершения правонарушений, злоупотребление алкоголем и наркотиками, уровень социальной интеграции, качество отношений с интимным партнером, включая конфликты, борьбу за власть и др.). С этой целью в 2013 г. было проведено исследование методом анкетирования на выборке 212 женщин, содержащихся в исправительном учреждении в Приморском крае. В его результате определена сложная многофакторная природа женской преступности, что подтверждает два основных ее объяснения. С одной стороны, совершение женщинами преступлений является следствием травмы, связанной с переживанием ими сексуального и (или) физического насилия в семье и (или) со стороны своего партнера. С другой стороны, совершение преступлений характерно для женщин с активной и волевой позицией, объясняющейся антисоциальными и пограничными чертами преступницы, ранним началом совершения правонарушений, поддержанием отношений с друзьями и знакомыми, которые совершали преступления, а также видением преступления как приемлемого способа разрешения своих экономических и личных проблем. Результаты исследования могут быть использованы для организации и проведения профилактической работы, учитывающей особенности личности женщин, преступивших уголовный закон.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FEMALE OFFENDERS (BASED ON A STUDY AT A FEMALE CORRECTIONAL FACILITY IN THE PRIMORYE REGION OF RUSSIA)

Alexandra V. Lysova¹, Larisa I. Romanova²

¹ School of Criminology, Simon Fraser University, Vancouver, Canada

² Far Easter Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2015 June 4

Accepted

2016 March 23

Available online

2016 June 29

Abstract. Some studies suggest that female crime is recently on the rise in the Russian Federation as well as that there is a deterioration of the quality component of female crime, including an increase in violent acts, increase in recidivism, younger age of offenders, and unmotivated cruelty. One of the conditions for a better understanding of the etiology of female crime is to identify the social and psychological characteristics of women and their lives before they committed crimes. Therefore, the article examines the antisocial and borderline personality traits of women, self-control, the experience of childhood abuse, including sexual experience before the age of 18, early onset of delinquency, alcohol and drug abuse, the level of social integration, and the quality of the relationships with an intimate partner, including

Keywords

Female offenders; risk factors;
prevention of female crime

conflicts, fight for dominance, and other characteristics. The study was conducted in 2013 by surveying a sample of 212 women in a correctional facility in the Primorsky Territory. It revealed a complex multifactorial nature of female criminality, which confirms the two main perspectives in explaining female crime. On the one hand, crimes committed by women are the result of a trauma associated with the experience of sexual and / or physical violence in the family and / or by their partner. On the other hand, our study revealed an agency in female offending, which is due to antisocial and borderline personality traits, early onset of delinquency, maintaining relationships with friends and acquaintances who committed crimes, and the vision of the crime as an acceptable way of resolving their economic and personal problems. These results can be used for enhancing preventive measures that would take into account the personality characteristics of female offenders.

На протяжении многих лет проблема женской преступности продолжает оставаться актуальной и являться предметом исследований ученых и практиков в разных областях знания. Однако на многие криминологические вопросы до настоящего времени так и не найдены ответы, они нуждаются в дальнейшем изучении, для чего необходимо проведение социально-психологических исследований и глубокий анализ особенностей личности женщин, совершивших преступления.

Женская преступность в России не отличается стабильностью, и в последнее десятилетие наметилась тенденция к росту числа преступлений, совершаемых женщинами в Российской Федерации [1]. Более того, специалисты обращают внимание на изменение в худшую сторону ее качественной составляющей, что касается прежде всего увеличения количества тяжких деяний, рецидивных преступлений, снижения возраста правонарушительниц, роста немотивированной жестокости и доминирования преступлений с элементами физической агрессии [2; 3]. Как характерные признаки личности женщин, совершивших преступления, отмечается использование ими при разрешении конфликтов насильственных способов и подготовленность преступных актов [4].

Женская преступность, являясь частью общеуголовной, имеет отличительные черты по основным показателям — состояние, структура и динамика преступности. В ней преобладают корыстные преступления, совершаемые в экономической сфере и направленные против конкретных лиц в целях обогащения. При этом мотивы совершения преступлений могут быть самыми различными — от нужды, крайне бедственного положения до завладения понравившейся вещью любой ценой, накопительства, стяжательства и т.д. Несмотря на это, по структуре корыстная

женская преступность существенно отличается от мужской. Например, если в ней доминируют кражи, мошенничество, присвоение или растрата, то в мужской — кража, грабёж и разбой [5].

В последние годы в структуре женской преступности отмечается увеличение доли преступлений, связанных с наркотиками. По данным ГИАЦ МВД России и Судебного департамента, в период с 2005 по 2010 г. количество женщин, совершивших наркопреступления, возросло более чем на 40 % [6]. Они также преимущественно совершаются по мотивам корысти, наживы, паразитизма, легкого и быстрого обогащения.

При этом важно отметить, что подавляющая часть преступлений по-прежнему совершается мужчинами, и эта тенденция характерна для большинства обществ в разные исторические периоды. Составляя примерно пятую часть от всех совершаемых преступлений в тот или иной временной отрезок, доля женской преступности в общеуголовной в разные годы колеблется в пределах от 13–15 до 18–20 %. Различия в структуре и уровне женской и мужской преступности часто объясняются как разными психофизическими особенностями женщин и мужчин, так и их различным социальным статусом и положением в семье и обществе.

Несмотря на заметный интерес к изучению женской преступности в России, имеющиеся данные часто не дают возможности «увидеть» женщин, совершивших преступления, и получить более подробную информацию о их жизни до исправительного учреждения, например о их семье, друзьях, отношениях с партнером (супругом или сожителем), опыте сексуального и физического насилия, а также личных убеждениях и оценках. Поэтому мы провели качественное исследование индивидуальных характеристик, а также особенностей жизни и межличностных отношений женщин, отбывающих наказание в исправитель-

ном учреждении Приморского края. Большинство этих женщин совершили экономические, насильственные преступления и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Женщины и после совершения преступления остаются гражданами своего общества, имеют свои взгляды, убеждения, воззрения, потребности, которыми они во многом могут отличаться от законопослушных граждан [7]. В связи с этим данное исследование направлено на определение наиболее значимых причин и условий, приведших к преступному поведению таких женщин. Его результаты также могут быть использованы для организации и проведения профилактической работы, учитывающей особенности личности женщин, преступивших уголовный закон.

Исследование проводилось в марте 2013 г. методом анкетирования на выборке 212 женщин, содержащихся в исправительном учреждении в Приморском крае¹. Вопросы данного исследования были заданы в рамках регулярного исследования, которое осуществлялось в исправительной колонии (ИК) штатным психологом. Женщин, добровольно согласившихся принять в нем участие, попросили как можно полнее и правдивее заполнить анкеты и при этом нигде не указывать своего имени. Так как данная выборка не являлась случайной, то полученные результаты нерепрезентативны для женщин, содержащихся в этом или других исправительных учреждениях в России. Однако значимость данного исследования заключается в получении информации о разных аспектах жизни женщин до попадания в ИК, которые в России еще мало изучены.

В качестве основного инструмента для измерения личностных характеристик и особенностей жизни женщин, содержащихся в ИК, использовался профиль личности и отношений [8]. Мы измерили характеристики женщин, в том числе антисоциальные и пограничные черты их личности, самоконтроль, опыт насилия в детстве, включая опыт сексуальных отношений до 18 лет, историю правонарушений, злоупотребление алкоголем и наркотиками, уровень социальной интеграции, наличие конфликтов с партнером, доминирование и другие характеристики. Респондентам предлагалось высказать свое мнение от полного

несогласия (1) с утверждениями в анкете до полного согласия (4). Причем, если респонденты не высказывали категорического несогласия с предлагаемыми высказываниями, мы склонны были интерпретировать такой ответ как в целом согласие с утверждением. Подобный подход применялся ранее в 19 странах при исследовании телесного наказания в семье: респонденты категорически не соглашались с высказыванием, только если действительно никогда не подвергались физическому наказанию в семье [9]. Таким образом, в нашем исследовании мы используем относительно либеральные оценки личностных характеристик и особенностей жизни женщин, совершивших преступления.

Социально-демографические характеристики женщин-преступниц. Социально-демографические признаки включают возраст, образование, семейное положение, социальный статус, место проживания, работу и вид совершенного преступления, за которое женщины отбывают наказание. Так, средний возраст женщин в нашем исследовании составил 35 лет и варьировал от 18 до 64 лет. Большинство женщин проживали в городе (70 %), в квартире или доме (88 %), и большинство же их оценивали свое финансовое состояние как довольно благополучное; только 11 % женщин сообщили, что денег хватало только на питание, и 5 % — что денег не хватало даже на питание.

Четверть женщин не имели полного среднего образования (25 %) или вообще не получили образования (4 %). Однако большая часть женщин получили полное среднее образование (29 %) или закончили профессиональное училище (34 %). Две трети женщин работали или учились до попадания в ИК (67 %) и около трети не имели определенного занятия. Хотя эти социально-демографические показатели являются более неблагоприятными по сравнению с соответствующими показателями для женщин из генеральной совокупности², в целом их различия не представляются существенными.

² В качестве сравнительных данных могут быть использованы любые опросы общественного мнения в период с 2012 по 2013 г. См., напр., единый архив экономических и социологических данных (URL : <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=98&en=0>). В этой статье мы опирались на данные общероссийского опроса населения, проведенного АНО «Левада-Центр» в апреле 2013 г. по заказу А.В. Лысовой в рамках гранта Президента РФ.

¹ Исследование под руководством А.В. Лысовой проводилось при поддержке гранта Президента РФ (МД 4456.2012.06).

Гораздо более значимыми представляются различия в социально-демографических характеристиках женщин, касающихся их семейного статуса. Семейное положение всегда было одним из главных факторов, определяющих физическое и нравственно-психологическое состояние женщин, их поведение в быту и обществе. Законный брак и семья во многом являются фактором, в определенной мере сдерживающим от необдуманных шагов и преступного поведения. В то время как в генеральной совокупности в брачных отношениях состояли около 50 % женщин, в нашей выборке — только 15 %. Большинство же женщин в нашем исследовании состояли в отношениях сожительства — 46 %, 12 % были в разводе и 14 % никогда не вступали в брак.

Кроме того, большая часть женщин в нашей выборке вышли из неполных семей, из них 5 % женщин воспитывались в детском доме (интернате). У 69 % женщин в нашей выборке есть один ребенок или более. Исторически, социально и психологически сложилось так, что семья и дети для женщины по сравнению с мужчиной представляют большую ценность, с которой женщины нравственно и эмоционально связаны, и во многих случаях именно ее семья становится единственной целью и смыслом жизни женщины. Поэтому разрыв с родными и близкими вследствие судимости может восприниматься женщинами особенно остро и болезненно и обуславливать неповиновение, протестное поведение, нарушение установленных правил и совершение дальнейших преступлений.

Для всех, за исключением двух женщин в нашей выборке, это было повторное пребывание в тюрьме. Большинство женщин были осуждены за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, — 41 % и за насильственные преступления — 40 %, 18 % — за экономические преступления. Прежняя судимость скорее типичная характеристика женщин в ИК и оказывает крайне деструктивное воздействие на личность и будущее женщины, например через еще большее ее приобщение к антиобщественному образу жизни, в том числе к употреблению алкоголя и наркотиков. Будущая преступная модель поведения женщин складывается под влиянием внешних негативных обстоятельств и закрепленных внутренних нравственных переживаний, характерных для большинства освободившихся из мест лишения свободы. Женщи-

нам-преступницам после отбытия уголовного наказания намного сложнее, чем мужчинам, вернуться в общество, пройти процесс ресоциализации, наладить семейные отношения, восстановить утраченные социальные связи, получить необходимую работу. Очень часто они даже в большей мере, чем мужчины, становятся изгоями общества, их сторонятся родные и знакомые, не принимают в семью бывшие мужья (сожителю). В такой ситуации они проще и легче возвращаются к прежней преступной деятельности, где им все более знакомо, понятны так называемые правила игры.

Социально-психологические характеристики женщин и особенности их жизни. Ниже мы представим результаты нашего исследования относительно нескольких основных аспектов жизни женщин до их помещения в ИК, которые в отечественной криминологии еще недостаточно изучены, а именно: индивидуальные черты женщин, чаще всего связанные с преступным поведением (антисоциальные и пограничные черты личности, импульсивность, низкий самоконтроль); отношения в родительской семье, включая опыт телесного наказания; опыт сексуальных отношений до 18 лет; отношения с партнером, в том числе конфликты, борьба за власть и преступная активность партнера; роль социального окружения; возраст, в котором впервые было совершено правонарушение, а также злоупотребление алкоголем и наркотиками.

Психологические индивидуальные черты. Предыдущие исследования женщин-преступниц указывают на выраженность у них таких личностных черт, как антисоциальные установки и поведение, перепады настроения и мысли навредить себе и другим (черты пограничного расстройства личности), импульсивность и низкий самоконтроль [10]. Наше исследование также отмечает сильную выраженность этих психологических черт у женщин в ИК в Приморском крае. Например, приблизительно две трети женщин в нашей выборке признались, что часто обманывали, чтобы получить то, что им хотелось (69 %), часто совершали противозаконные поступки (64 %) и не думали о том, как они повлияют на других людей (69 %). Только треть женщин сообщили, что очень переживали, если кого-то обидели (30 %). Кроме того, большинство женщин в выборке сообщили о переживаниях, которые указывают на сильную выраженность

так называемых пограничных черт личности, — ощущение внутренней пустоты (83 %), частые смены настроения (90 %), мысли о самоубийстве (47 %) и искалечении себя (37 %). Эти черты как прямо, так и косвенно могут способствовать совершению преступлений. Также более двух третей женщин разделяют противоправные убеждения: например, что нет ничего плохого в нарушении закона, если это им не вредит (73 %). В сочетании с низким самоконтролем (а именно 78 % женщин в выборке не могут сдержаться, если кто-то из их близких препятствует им в их планах) положительные установки на совершение преступлений могут объяснять преступное поведение этих женщин.

Родительская семья. Особое внимание как западные, так и отечественные криминологи уделяют анализу влияния на преступное поведение родительской семьи (в частности, уровню поддержки, оказываемой родительской семьей, переживанию телесного наказания и раннему началу сексуальных отношений). Именно жестокую социализацию в детстве связывают с вероятностью совершения преступлений в будущем. Под жестокой социализацией понимается применение физического наказания в детстве, наблюдение ребенком насилия между родителями и другими людьми, а также поощрение и рекомендации со стороны знакомых или незнакомых людей отвечать насилием на насилие. Виктимизация в семье тесно связана с усвоением норм, оправдывающих насилие. Физическое наказание в семье заставляет ребенка подчиняться в краткосрочной перспективе, однако имеет негативные последствия для него в будущем. Например, физическое наказание высоко коррелирует с антисоциальным поведением в будущем, с совершением насилия не только в семье, но и в отношении незнакомых людей, осуждением за тяжкие преступления [11; 12].

Около 60 % женщин в нашей выборке подвергались телесному наказанию в семье (сообщали, что родители шлепали их, давали им подзатыльники и били их) и примерно столько же наблюдали сцены насилия между родителями. Более того, 88 % женщин наблюдали сцены насилия между детьми в школе или во дворе и большинство (89 %) сообщили, что их родители поощряли давать сдачи тем, кто обидел их.

Сильное беспокойство вызывают данные о раннем сексуальном опыте женщин в нашей

выборке. Четверть из них сообщили о вступлении в сексуальные отношения со взрослым из своей семьи до того, как им исполнилось 18 лет. Еще больше женщин (38 %) признались в ранних сексуальных отношениях со взрослыми, не являвшимися членами их семьи. Важно отметить, что сексуальные отношения в раннем возрасте часто граничат с принуждением женщин и насилием над ними. Предыдущие исследования показали, что ранний опыт сексуальных отношений и сексуальное принуждение часто обуславливают совершение женщинами преступлений в позднем возрасте [13].

На вопросы о помощи родственников менее половины женщин (43 %) отвечают, что близкие и родственники могут помочь им в случае проблем, и только 19 % сообщили, что были так близки, что делились тайнами с кем-то из своих близких.

Раннее начало сексуальных отношений, опыт телесного наказания в семье, а также ограниченность поддержки со стороны родственников характеризуют семейные отношения этих женщин как крайне неблагоприятные, что в определенной степени объясняет вовлечение женщин в преступную деятельность.

Отношения с интимным партнером. Другой важной частью жизни женщин являются их близкие отношения с интимным партнером, супругом или сожителем. Серьезные проблемы в отношениях с партнером, а также его преступное поведение часто толкают женщин на путь совершения преступлений. Наше исследование выявило, что опрошенные в целом оценивали отношения со своими интимными партнерами как крайне негативные, сопровождающиеся конфликтами и борьбой за власть, презрением и неуважением. Так, примерно две трети женщин обвиняли партнера в своих эмоциональных проблемах («если я выходила из себя, то обычно по вине моего мужа (сожителя)» — 77 %), считали, что их партнер намеренно действовал им на нервы (69 %), что любил приводить их в бешенство (62 %). Больше половины женщин презирали своих партнеров, считая, что «у него не хватало здравого смысла, чтобы принимать важные решения» (68 %), и напоминали ему, «кто в доме хозяин» (80 %). Более того, 89 % женщин настаивали в отношениях на том, чтобы они знали, где находится их муж (сожитель) в любой момент, и 92 % считали, что имели право знать все, что

делал их партнер. Это указывает на высокий уровень доминирования, проявляемого женщинами в отношениях с партнером, что характеризует нашу выборку как качественно отличную от общей совокупности женщин [14].

Полученные данные также указывают на серьезные проблемы в коммуникации женщин с интимным партнером. Опрошенные сообщали, что во время конфликтов всегда отвечали тем же на оскорбления (72 %), и только четверть женщин извинялись, если говорили своему партнеру то, что не следовало. Более того, у большинства женщин партнеры были вовлечены в криминальную деятельность (69 %), и 59 % опрошенных считают, что совершили преступление из-за негативного влияния на них мужа или сожителя. Таким образом, можно предположить, что крайне напряженные отношения с партнером и его криминальная деятельность являются существенным фактором риска, провоцирующим женскую преступность.

Роль социального окружения. Предыдущие криминологические исследования отмечают значительное влияние ближайшего окружения преступников на совершение ими преступных деяний. Подавляющее число женщин в нашей выборке были хорошо знакомы с людьми, которые совершили преступления (84 %), и проводили много времени с друзьями, у которых были проблемы с правоохранительными органами (77 %).

Еще одним важным фактором риска, обуславливающим совершение преступлений, является раннее начало совершения правонарушений. Около половины женщин в нашей выборке сообщили, что украли (50 %) или пытались украсть (58 %) что-то ценное до того, как им исполнилось 15 лет. Около трети женщин били или угрожали побить своих родителей (31 %) и физически нападали на других людей, желая нанести им травмы (34 %), в возрасте до 15 лет.

Злоупотребление алкоголем и наркотиками. Также фактором риска является злоупотребление алкогольными напитками и наркотиками. Высокий уровень потребления алкоголя представляет собой один из основных факторов, влияющих на совершение насилия и убийств в нашей стране [15]. Подавляющее число женщин в нашей выборке рассказали о чрезмерных и даже опасных для жизни формах злоупотребления алкоголем. Например, 77 %

женщин сообщили, что, когда они принимают алкоголь, обычно выпивают не менее пяти рюмок водки (или одну бутылку вина, или полтора литра пива) за один вечер; 80 % женщин — выпивают опасную дозу алкоголя на выходных. При этом из-за выпитого спиртного 69 % опрошенных не могли иногда вспомнить, что происходило прошлой ночью.

Среди этих женщин также очень велико количество употребляющих наркотики. Более половины признались, что употребляли наркотики (56 %), и 40 % женщин считают, что страдают от наркотической зависимости. При этом 41 % опрошенных сообщили, что у них была передозировка или иные серьезные проблемы со здоровьем из-за принятия наркотиков и они пытались лечиться от наркотической зависимости.

Однако важно отметить, что, несмотря на значимую корреляционную зависимость между злоупотреблением психоактивными веществами и совершением преступлений, прямую причинно-следственную связь между ними установить сложно по той причине, что женщины, вышедшие из неблагополучных семей и имеющие дисфункциональные интимные отношения, могут прибегать к алкоголю и наркотикам как средству справиться со стрессом, и в этом случае их преступное поведение только отчасти будет объясняться их зависимостью от алкоголя и наркотиков. Тем не менее полученные данные свидетельствуют о серьезных социально-психологических проблемах, характерных для женщин, которые совершили преступления.

Проведенное исследование указывает на сложную многофакторную природу женской преступности. Хотя женщины в нашей выборке в определенной степени близки по некоторым социально-демографическим характеристикам женщинам из генеральной совокупности (например, в плане уровня образования, доходов и места проживания), они существенно отличаются от них по своему семейному положению (например, только 15 % женщин, совершивших преступления, состояли в браке). Более того, большинство женщин в нашей выборке охарактеризовали свои интимные отношения как крайне негативные, конфликтные, сопровождающиеся борьбой за власть. Важно отметить, что небольшое число браков и дисфункциональные

отношения с партнером у многих женщин, совершивших преступления, могут быть как фактором риска, обуславливающим совершение ими преступлений, так и следствием их психологических особенностей, которые также повышают вероятность вовлечения женщин в преступную деятельность.

Полученные данные о социально-психологических характеристиках женщин, совершивших преступления, служат подтверждением двум основным объяснениям женской преступности. Согласно первому, которое можно в целом назвать «женщины-преступницы как жертвы», женщины совершают преступления, чтобы, с одной стороны, справиться с травмой, связанной с переживанием ими сексуального и (или) физического насилия в семье и (или) со стороны своего партнера, и, с другой стороны, достигнуть своих целей в условиях гендерного неравенства и патриархата [16–18]. Действительно, многие женщины в нашей выборке имели крайне неблагоприятные семейные отношения, включая неполные родительские семьи, частые телесные наказания в детстве, раннее начало сексуальных отношений со взрослыми, в том числе членами их семьи, а также дисфункциональные отношения со своими сожителями и супругами, характеризовавшиеся конфликтами, презрением партнеров друг к другу и борьбой за власть. Кроме того, более половины женщин в нашей выборке обвиняли своих партнеров во втягивании их в преступную деятельность.

В то же время наше исследование также подтверждает второе основное объяснение женской преступности, которое можно назвать «женщины как активные субъекты преступления». В его рамках признается активная и волевая позиция женщины в совершении

преступления, которая объясняется антисоциальными и аморальными чертами преступницы, ее желанием легкой наживы, видением преступления как приемлемого способа разрешения своих экономических и личных проблем, а также результатом действия других ситуационных, личностных и межличностных факторов в ситуации, когда женщина вполне осознанно идет на совершение преступления [19; 20]. Большинство женщин в нашем исследовании продемонстрировали высокий уровень проявления антисоциальных и пограничных черт личности, импульсивности и низкого самоконтроля, а также показали положительные установки на совершение противоправных поступков. В отношениях с партнером подавляющее число женщин-преступниц в нашей выборке требовали от них подчинения, критиковали их и активно отвечали агрессией на агрессию. Преступные черты многих женщин обнаружились очень рано (до 15 лет) в форме совершения физического насилия и краж, жертвами которых становились также члены собственной семьи. У многих из женщин сформировался круг знакомых и друзей, у которых были проблемы с законом. Злоупотребление алкоголем и наркотиками также скорее норма для женщин, которые совершили преступления.

Полученные данные свидетельствуют и о необходимости расширения программ помощи женщинам, содержащимся в ИК за совершение преступлений, так как многие из них вышли из крайне неблагоприятных семей, испытали насилие в детстве, злоупотребляют алкоголем и наркотиками. Сохраняется необходимость дальнейшего исследования женской преступности, а также классификации типов женщин-преступниц в зависимости от выраженности тех или иных социально-психологических черт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синьков Д.В. Характеристика динамики состояния женской преступности в Российской Федерации и ее федеральных округах [Электронный ресурс] / Д.В. Синьков // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2011. — № 2. — Режим доступа : <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7785>.
2. Кастерина Н.В. Изучение причин агрессивных действий у впервые осужденных женщин / Н.В. Кастерина // Психология. Пермь. — 2007. — № 13. — С. 13–14.
3. Сарычева Н.В. Количественные характеристики женской преступности / Н.В. Сарычева // Вестник Северо-Кавказского технического университета. — 2010. — № 3. — С. 17–22.
4. Лелеков В.А. О предупреждении женской преступности мерами общесоциальной профилактики / В.А. Лелеков, Т.В. Урусова // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 2. — С. 12–17.
5. Шиян В.И. Состояние и структура корыстной женской преступности / В.И. Шиян // Российский следователь. — 2007. — № 19. — С. 26–30.

6. Газазян С.В. Женская преступность в сфере незаконного оборота наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Газазян. — М., 2010. — 175 с.
7. Кунц Е.В. Личность преступника как объект криминологического воздействия (на примере личности женщины-преступницы) / Е.В. Кунц // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. — 2012. — № 37 (291), вып. 34. — С. 77–80.
8. Straus M.A. Manual for the personal and relationships profile (PRP) [Electronic resource] / M.A. Straus, S.L. Hamby, S. Boney-McCoy, D. Sugarman. — Durham, NH : Univ. of New Hampshire, Family Research Laboratory, 2010. — Mode of access : <http://pubpages.unh.edu/~mas2>.
9. Douglas E.M. Assault and injury of dating partners by university students in 19 countries and its relation to corporal punishment experienced as a child / E.M. Douglas, M.A. Straus // *European Journal of Criminology*. — 2006. — № 3 (3). — P. 293–318.
10. Komarovskaya I. The role of impulsivity in antisocial and violent behaviour and personality disorders among incarcerated women / I. Komarovskaya, A. Loper, J. Warren // *Criminal Justice and Behaviour*. — 2007. — № 34 (11). — P. 1499–1515.
11. Лысова А.В. Телесное наказание детей и насилие в супружеских отношениях россиян / А.В. Лысова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2013. — № 4 (24). — С. 110–117.
12. Straus M.A. Beating the devil out of them: Corporal punishment in American families and its effects on children / M.A. Straus. — New Brunswick, N.J. : Transaction Publishers, 2001. — 317 p.
13. Siegel J.A. The relationship between child sexual abuse and female delinquency and crime: A prospective study / J.A. Siegel, L.M. Williams // *Journal of research in Crime and Delinquency*. — 2003. — № 40 (1). — P. 71–94.
14. Лысова А.В. Доминирование и насилие в супружеских отношениях / А.В. Лысова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 2. — С. 133–141.
15. Ильяшенко А.Н. Виктимологические проблемы насильственной преступности в семье / А.Н. Ильяшенко // Право и политика. — 2003. — № 1. — С. 89–99.
16. Chesney-Lind M. The Female offender: Girls, women, and crime / M. Chesney-Lind, L. Pasko. — 3rd ed. — Thousand Oaks, California : Sage, 2013. — 224 p.
17. Stark E. Coercive control: The entrapment of women in personal life / E. Stark. — N.Y. : Oxford Univ. Press, 2007. — 452 p.
18. Swan S.C. The development of a theory of women's use of violence in intimate relationships / S.C. Swan, D.L. Snow // *Violence Against Women*. — 2006. — № 12 (11). — P. 1026–1045.
19. Downs D.A. More Than Victims: Battered Women, the Syndrome Society, and the Law / D.A. Downs. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1996. — 309 p.
20. Kruttschnitt C. Moving beyond the stereotypes: Women's subjective accounts of their violent crime / C. Kruttschnitt, K. Carbone-Lopez // *Criminology*. — 2006. — № 44 (2). — P. 321–351.

REFERENCES

1. Sinkov D.V. Female criminality dynamics in the Russian Federation and in its Federal Districts. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baikalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2011, no. 2. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7785>. (In Russian).
2. Kasterina N.V. A research of the causes of aggression among first-time female convicts. *Psikhologiya. Perm' = Psychology. Perm*, 2007, no. 13, pp. 13–14. (In Russian).
3. Sarycheva N.V. Quantitative characteristics of female offending. *Vestnik Severo-Kavkazskogo tekhnicheskogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2010, no. 3, pp. 17–22. (In Russian).
4. Lelekov V.A., Urusova T.V. Female criminality prevention by means of general-and-social precautions. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2014, no. 2, pp. 12–17. (In Russian).
5. Shiyani V.I. The structure and condition of mercenary crimes committed by females. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2007, no. 19, pp. 26–30. (In Russian).
6. Gazazyan S.V. *Zhenskaya prestupnost' v sfere nezakonnogo oborota narkotikov. Kand. Diss.* [Female crimes in the sphere of illegal drug trade. Cand. Diss.]. Moscow, 2010. 175 p.
7. Kunts E.V. The personality of a criminal as an object of criminological influence (using the example of a female offender personality). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. = Bulletin of Chelyabinsk State University. Law*, 2012, no. 37 (291), iss. 34, pp. 77–80. (In Russian).
8. Straus M.A., Hamby S.L., Boney-McCoy S., Sugarman D. *Manual for the personal and relationships profile (PRP)*. Durham, NH, University of New Hampshire, Family Research Laboratory, 2010. Available at: <http://pubpages.unh.edu/~mas2>.
9. Douglas E.M., Straus M.A. Assault and injury of dating partners by university students in 19 countries and its relation to corporal punishment experienced as a child. *European Journal of Criminology*, 2006, no. 3 (3), pp. 293–318.
10. Komarovskaya I., Loper A., Warren J. The role of impulsivity in antisocial and violent behaviour and personality disorders among incarcerated women. *Criminal Justice and Behaviour*, 2007, no. 34 (11), pp. 1499–1515.
11. Lysova A.V. Corporal punishment of children and spousal abuse in Russia. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanities Research in Siberia the East and in the Russian Far East*, 2013, no. 4 (24), pp. 110–117. (In Russian).
12. Straus M.A. *Beating the devil out of them: Corporal punishment in American families and its effects on children*. New Brunswick, N.J., Transaction Publishers, 2001. 317 p.
13. Siegel J.A., Williams L.M. The relationship between child sexual abuse and female delinquency and crime: A prospective study. *Journal of research in Crime and Delinquency*, 2003, no. 40 (1), pp. 71–94.

14. Lysova A.V. Conjugal dominance and violence. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 2, pp. 133–141. (In Russian).
15. Il'yashenko A.N. Victimological issues of domestic violence. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2003, no. 1, pp. 89–99. (In Russian).
16. Chesney-Lind M., Pasko L. *The Female offender: Girls, women, and crime*. 3rd ed. Thousand Oaks, California, Sage, 2013. 224 p.
17. Stark E. *Coercive control: The entrapment of women in personal life*. New York, Oxford University Press, 2007. 452 p.
18. Swan S.C., Snow D.L. The development of a theory of women's use of violence in intimate relationships. *Violence against Women*, 2006, no. 12 (11), pp. 1026–1045.
19. Downs D.A. *More than Victims: Battered Women, the Syndrome Society, and the Law*. University of Chicago Press, 1996. 309 p.
20. Kruttschnitt C., Carbone-Lopez K. Moving beyond the stereotypes: Women's subjective accounts of their violent crime. *Criminology*, 2006, no. 44 (2), pp. 321–351.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лысова Александра Владимировна — профессор Школы криминологии Университета им. Саймона Фрейзера, доктор социологических наук, PhD по криминологии, г. Ванкувер, Канада; e-mail: alysova@sfu.ca.

Романова Лариса Ивановна — профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: romanova.li@dvfu.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лысова А.В. Социально-психологические характеристики женщин, совершивших преступления (по результатам исследования в женской исправительной колонии в Приморском крае) / А.В. Лысова, Л.И. Романова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 252–260. — DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).252-260.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lysova, Alexandra V. — Professor, School of Criminology, Simon Fraser University, Doctor of Sociology, Ph.D. in Criminology, Vancouver, Canada; e-mail: alysova@sfu.ca.

Romanova, Larisa I. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Law Institute of Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: romanova.li@dvfu.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lysova A.V., Romanova L.I. Social-psychological characteristics of female offenders (based on a study at a female correctional facility in the Primorye Region of Russia). *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 252–260. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).252-260. (In Russian).